

УДК 781.1
ББК 85.314(2)

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. Е. Н. Лушникова
г. Владивосток, Россия

ЭЛЕГИЯ В РЕПЕРТУАРЕ РУССКИХ ПЕВЦОВ-ИСПОЛНИТЕЛЕЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Аннотация: В статье рассматривается взаимосвязь жанра вокальной элегии с русской ментальностью. Одна из особенностей российского менталитета заключается в противоречивости и двойственности русской души. Мировосприятие русского человека связано с печальными сторонами жизни. В системе его духовных ценностей страданию придается особый смысл. Русскому национальному характеру свойственны сочувствие, сострадание, исповедальность, отзывчивость. Особенности такого мироощущения воплотились в жанре элегии, поэтической и музыкальной. На протяжении многих десятилетий элегические романсы русских композиторов пленяют слушательскую аудиторию литературно-музыкальных салонов и концертных залов, популярны среди певцов-любителей и профессионалов. Склонность к элегическим раздумьям характеризует творческую индивидуальность выдающегося русского певца Ф. И. Шаляпина, камерный репертуар которого включал элегии разных авторов. Не оставляют без внимания этот жанр и музыканты XX–XXI вв., о чем свидетельствуют концертные программы. В статье использованы материалы архива композитора З. А. Левиной.

Ключевые слова: русская ментальность, элегия, вокальная элегия, камерно-вокальная лирика, певцы XX в., Ф. И. Шаляпин, Н. Д. Шпиллер, З. А. Левина, О. Е. Погудин.

Информация об авторе: Елена Николаевна Лушникова — доцент кафедры фортепиано, Дальневосточный государственный институт искусств, ул. Петра Великого, д. 3 а, 690091 г. Владивосток, Россия. E-mail: lus-elena@yandex.ru

Дата поступления статьи: 25.09.2018

Дата публикации: 28.12.2019

Для цитирования: Лушникова Е. Н. Элегия в репертуаре русских певцов-исполнителей как проявление национальной ментальности // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 292–299.

Российский менталитет характеризуется различными качествами, нередко противоположными и взаимоисключающими [1, с. 33]. Созерцание окружающего мира, чувственность переполняют русскую душу. По натуре доброжелательный и доверчивый русский человек всегда приходит на помощь тому, кто в беде. Его отзывчивое сердце равнодушно к страданиям окружающих.

Между тем исследователи-философы и психологи выделяют важную составляющую русской ментальности — страдание — «состояние горя, страха, тревоги, тоски» [11, с. 269]. Эта характерная черта уходит корнями в Древнюю Русь и связана с особой христианской религиозностью в многострадальном Российском государстве. Здесь

страдание является «как божественной карой за грехи, так и средством избавления от греха, нравственного совершенствования и спасения человека» [11, с. 269]. Русский человек «заражен жаждою страдания» (В. К. Трофимов). Особое внимание в своем сознании он уделяет грустным сторонам жизни. Страдание для него — это путь к успокоению, просветлению, духовному очищению, возможность познать счастье. В этой антиномичности, наверное, и заключается загадочность русской души, о которой так часто пишут в различных исследованиях.

Понимание счастья и основные составляющие русской духовности «сформулированы» в лирике разных поэтов. Например, стихотворение Е. А. Баратынского «К Коншину» начинается следующими словами: «Поверь, мой милый друг, страданье нужно нам; / Не испытал его, нельзя понять и счастья...», а его «Элегия» звучит так: «Нет, не бывать тому, что было прежде! / Что в счастье мне? Мертва душа моя!...». В знаменитой болдинской «Элегии» А. С. Пушкин восклицает: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...». Антиномичность русского миропонимания прослеживается во многих поэтических произведениях, в том числе в стихотворениях, принадлежащих к жанру элегии¹.

Элегия — как литературная, так и музыкальная — показательна для русской художественной культуры. Она занимает особое место в отечественном искусстве XIX–XXI вв. Искренность, задушевность, интимность элегического жанра близки русскому мироощущению. Чувства, выражаемые элегией, неоднозначны. С одной стороны, это грусть, тоска, жалоба, часто тревога и страх, переживание по поводу потери, утраты или глубокая скорбь, с другой — светлая грусть, светлая печаль, ощущение надежды и порой восторженная радость. Поэтому элегия так созвучна русской душе.

Русский человек испытывает потребность в исповедальности, необходимость излить душу и получить отклик — сочувствие или понимание, в то же время он равнодушен к чужому душевному состоянию. Жанр элегии, как никакой другой, воплотил в себе это качество нашей ментальности: автор размышляет о своих переживаниях, жалуется, а слушатель внимает и сочувствует. Тексты поэтических элегий музыкальны, поэтому их хочется петь. Так, в ответ на литературный жанр в русской культуре появилась вокальная элегия.

«В начале 20-х годов XIX века элегия царила в литературно-музыкальных салонах России. Десятки поэтов и музыкантов разного масштаба обращались к ней, плененные очарованием ее сладостной грусти», — пишет исследователь О. Б. Хвоина [14, с. 14]. Вокальная элегия исполнялась, как правило, певцами-любителями, аматерами, и изначально являлась бытовым жанром². По имеющимся данным, княгиня З. А. Вол-

¹ Стихотворение Е. А. Баратынского «К Коншину» — послание. В некоторых трудах оно значится как элегия. См.: [9, с. 115]. Общие черты этих жанров выявлены в различных литературных исследованиях. В частности, филолог и литературовед С. Н. Бройтман приводит определение элегии начала XVII в. немецкого поэта и теоретика М. Опица: «В элегиях говорится о грустных вещах, в них оплакиваются любовные переживания, жалобы влюбленных, размышления о жизни и смерти, *сюда же относятся послания* (курсив мой. — Е. Л.), повествования о собственной жизни и тому подобное» [10, с. 114].

² Вокальную элегию начала XIX в. принято считать бытовым жанром ввиду того, что условия любительского музицирования во многом определили ее облик. Такие романсы отличались простотой (язык изложения, форма) и доступностью исполнения [14, с. 26].

Что касается среды исполнения, то в это время «на уровне музыкального быта русского дворянства» вокальная музыка <...> предполагала два типа функционирования: «камерный» — как повседневное и в известной степени спонтанное звучание в узком домашнем кругу, и «концертный», рассчитанный на исполнение в условиях салона или музыкального вечера и, соответственно, — на определенную предварительную подготовку» [2, с. 50–51]. Повседневное и спонтанное исполнение вокальной музыки в большей степени является бытовым музицированием.

конская, обладательница прекрасного контральто, пела в своем салоне элегию И. И. Геништы «Погасло дневное светило...» на слова А. С. Пушкина в присутствии самого поэта [5, с. 9–10].

Постепенно, с началом формирования академического романса во второй половине XIX в., элегия прочно входит в репертуар русских профессиональных певцов и в некотором роде становится их «визитной карточкой». Одним из таких исполнителей является Федор Иванович Шаляпин, обладатель высокого баса, баса-баритона.

Ф. Шаляпин был склонен к элегическим раздумьям. Противоречивость состояния души прослеживается в одном из его писем, которое начинается следующими словами: «Посылаю Вам в этом письме и скорбь мою, и радость. Душа моя наполнена скорбью за дорогую родину, которая сейчас находится поистине в трагическом положении. На театре войны нас, кажется, совсем разбили — всюду неурядицы и резня — ужасно, ужасно все это тяжело, — и, переживая весь этот ужас родимой страны, я как-то мало ощущаю радость моих успехов на полуфранцузской сцене, несмотря на то, что успех на этот раз, кажется, самый наибольший, что я имел за границей <...>» [12, с. 451].

Состояние грусти, тоски, одиночества не покидает певца во время всего его жизненного пути. В воспоминаниях об отце Ирина Шаляпина пишет: «В минуты усталости и раздумий он повторял в отчаянии: “Я один, один...” <...>» [12, с. 607]. В эмиграции Ф. Шаляпина переполняло чувство ностальгии³: «Последние годы его жизни отмечены постоянными помыслами о родине. Он был восхищен успехами строительства в России и все более глубоко страдал вдали от родной страны. Он понял всю трагедию своей жизни, осознал свою ошибку, но <...> поздно. Он был уже на пороге смерти. Весь последний период <его> жизни <...> прошел под знаком неосуществленной мечты о возвращении домой, на родину, в Советский Союз! <...>» [12, с. 683].

Таким образом, состояние души певца соответствовало эмоциональному наполнению жанра элегии. Ф. Шаляпин охотно и с большим успехом исполнял элегическую вокальную лирику. Примечательно, что любимым композитором после М. П. Мусоргского для него был Н. А. Римский-Корсаков, в вокальном творчестве которого элегия занимает важное место, а любимым поэтом — А. С. Пушкин, в его поэзии этот жанр преобладал и активно развивался.

В камерный репертуар Федора Ивановича входили элегии «Мне грустно...», «Расстались гордо мы...» А. С. Даргомыжского, «Ненастный день потух...», «На холмах Грузии...» Н. А. Римского-Корсакова, «Сомнение» М. И. Глинки, «Разочарование» П. И. Чайковского и др. Помимо сочинений русских композиторов, певец исполнял и элегические произведения зарубежных авторов: «Двойник» из цикла «Лебединая песня» Ф. Шуберта, «Во сне я горько плакал...», «Мне снится ночами образ твой...» из цикла «Любовь поэта» Р. Шумана.

Несомненно, имя великого певца Ф. Шаляпина ассоциируется с исполнением «Элегии» Ж. Массне. Как известно, «Элегия» претерпевала различные трансформации от инструментальной пьесы до романса⁴. Вокальная версия была написана с французским текстом, но Федор Иванович пожелал исполнять ее на русском языке. По энциклопедическим данным, вероятно, автором русского варианта является А. А. Сантагано-Горчакова. Это произведение обрело большую известность в исполнении Ф. Шаляпина.

³ Сходство ностальгического и элегического настроений обусловлено характерным для них состоянием тоски по прошлому.

⁴ Изначально «Элегия» Ж. Массне была написана для фортепиано. Затем композитор сделал переложения для виолончели и для большого симфонического оркестра. Позже появилась вокальная версия «Элегии» на слова Л. Галле.

Существуют воспоминания литератора, критика и журналиста, Андрея Седых (1923–1924) об исполнении «Элегии» Ж. Массне Федором Ивановичем: «“О, где же вы, дни любви, / Сладкие сны, юные грезы весны? / Где шум лесов, пение птиц, / Где цвет полей, свет луны, блеск зарниц?”»

И столько грусти и тоски было в эту минуту в его голосе, так печально звучала “Элегия”, что слезы сами собой навертывались на глаза <...>» [7, с. 132–133]. Но в сохранившейся записи этого произведения (1931) слышно страстное, экспрессивное пение, в голосе нет грусти и тоски, характерной для элегического жанра. Данные противоречия наводят на мысль, что Ф. Шаляпин, возможно, не сразу пришел к такой интерпретации элегии и изначально пел ее традиционно грустно. Характер исполнения мог быть навеян состоянием тоски по России на гастролях за границей. По-видимому, благодаря богатой творческой натуре певца и некоторым жизненным осмыслениям, появилась другая исполнительская версия «Элегии» Ж. Массне.

Некоторые романсы Ф. Шаляпин любил петь в сопровождении виолончели, в том числе «Элегию» Ж. Массне, «Сомнение» М. Глинки. Этот инструмент был самым любимым для Федора Ивановича. По свидетельству современников, певец сам начинал учиться играть на нем [12, с. 655]. Скорее всего, Ф. Шаляпина привлекали глубина и емкость бархатного тембра виолончели, близкого человеческой речи и органично сочетающегося с голосом в элегических романсах⁵.

При изучении камерного репертуара Ф. Шаляпина⁶ обращает на себя внимание тот факт, что певец не исполнял вокальные элегии композиторов XX в. Хотя начало этого столетия знаменовалось появлением элегических произведений в творчестве таких композиторов, как Н. Я. Мясковский, Ан. Н. Александров, С. Н. Василенко, В. А. Гайгерова, А. В. Мосолов. Ф. Шаляпин предпочитал романсы XIX в. Даже если он и включал в свой репертуар произведения, написанные позже по времени, то они выдерживали стиль предыдущей эпохи.

Вслед за Ф. Шаляпиным элегии активно включают в свой репертуар певцы XX в. Интерес к жанру усиливается в 1930-х гг., по ряду причин он стал особенно востребованным в советской камерно-вокальной лирике⁷. Среди исполнителей романсов-элегий можно назвать следующие имена: Н. Г. Александрова, М. Д. Александрович, И. К. Архипова, Г. П. Виноградов, Б. Р. Гмыря, В. А. Давыдова, З. А. Долуханова, Б. Я. Златогорова, Н. А. Казанцева, И. С. Козловский, Е. Д. Кругликова, С. Я. Лемешев, М. П. Максакова, С. И. Мигай, Н. К. Поставничева, Н. П. Рождественская, Е. А. Степанова, Н. Л. Суходольская, Т. Е. Талахадзе, Н. Д. Шпиллер и многие др.

Безусловно, значительную часть камерного репертуара перечисленных выше певцов составляет классический романс XIX в., но концертные программы свидетельствуют о том, что популярность элегического жанра в творчестве отечественных композиторов XX столетия отразилась и на репертуаре большинства исполнителей этого времени. Одним из таких примеров является выступление заслуженного артиста РСФСР Михаила Александровича в Большом зале Московской консерватории (партия

⁵ Подтверждением этому могут быть элегии для голоса, фортепиано и виолончели А. А. Алябьева («Под небом голубым...» на слова А. С. Пушкина, «Северный узник» на слова В. А. Алябьева, «Блажен, кто мог на ложе ночи...» на стихи Н. М. Языкова). Виолончельный тембр можно назвать лейт-тембром элегических романсов-монологов П. И. Чайковского.

⁶ Концертно-камерный репертуар Ф. Шаляпина опубликован в книге «Федор Иванович Шаляпин: Статьи. Высказывания. Воспоминания о Ф. И. Шаляпине» [13, с. 504–507].

⁷ См. об этом: [3, с. 262–268; 8].

фортепиано — С. Райхенштейн, 1949). В первом отделении концерта были исполнены романсы-элегии — как классические, так и советские⁸.

Вокальная элегия в репертуаре исполнителей XX в. не только выражала чувства, настроения эпохи, но и благоприятствовала созданию успешных творческих союзов певцов и композиторов. Элегию З. А. Левиной «Певец» на стихи А. С. Пушкина исполнила в одном из своих концертов Наталья Дмитриевна Шпиллер (сопрано). И, как вспоминала сама певица, это содействовало появлению крепкой творческой связи с Зарой Александровной Левиной: «Всего вероятнее, это был 1936 год. В Колонном зале должен был состояться концерт — А. С. Пушкин и советские композиторы, — может быть и не совсем точно, но что-то в этом роде.

Меня пригласили участвовать в этом концерте с просьбой, непременно включить в программу романс молодого композитора Зары Александровны Левиной — “Певец” — / Слыхали ль Вы /.

Получив рукописный экземпляр, я немедленно его выучила и полюбила навсегда. Написанный лаконично, с кажущейся простотой, в которой таились вокальные пороги, я была покорена искренностью и поэтичностью этой лирической, удивительно теплой миниатюры⁹.

Композитор З. Левина пришла к Н. Шпиллер репетировать свой романс и была недовольна, что исполнительница ее произведения не встретила с ней: «Наш диалог шел в повышенных тонах, горячо безудержно. Мы оба взрывались, наскакивали друг на друга, обижались, и каким-то образом кончили тем, что стали репетировать.

Сразу же, контакт был установлен, и мы расстались друзьями.

Именно, после этой бурной встречи, которую мы не раз, смеясь, вспоминали, у нас установилась теплая, дружеская, творческая связь, длившаяся долгие годы, и прервавшаяся с кончиной Зары Александровны¹⁰.

В свое время элегия З. Левиной «Певец» была весьма популярна. Дочь Зары Александровны, Валентина Чемберджи, вспоминает, что этот романс исполняли, повторяя его на бис, самые известные артисты [15, с. 172]. Элегия «Певец» привлекала внимание не только профессиональных вокалистов, но и любителей. В своих дневниковых записях Зара Левина писала: «Через две недели я очутилась в обществе ученых. Примерно раз в неделю я по вечерам играла. Много музыки я там переиграла, и один отдыхающий даже выучил мой романс “Певец” на стихи Пушкина, и мы с ним выступали вместе» [15, с. 179].

В современной музыкальной культуре ярким исполнителем романсов-элегий является камерный певец (тенор), народный артист России Олег Погудин. Одна из его концертных программ так и называется «Элегия». В нее включены романсы: «Элегия» М. Л. Яковлева на слова А. А. Дельвига, «Сомнение» М. И. Глинки на стихи Н. В. Кукольника, «Портрет» А. А. Спиро на слова М. Ю. Лермонтова, «Я вас любил...» Б. С. Шереметева на стихи А. С. Пушкина и др.

Исполнительская манера О. Погудина отличается тонкостью и деликатностью. Помимо прекрасного голоса, внешних данных, певец обладает отличными артистическими качествами. Его творческой натуре свойственно гармоничное сочетание вокальных данных, актерской игры и пластики.

⁸ Афиша опубликована в статье Е. Н. Лушниковой «Камерно-вокальная элегия в творчестве Ан. Александрова и Ю. Шапорина» [4, с. 71].

⁹ Шпиллер Н. Д. Мои встречи с Зарой Левиной. Рукопись. 1985 год, 22 октября // РНММ (ВМОМК им. М. И. Глинки). Ф. 227. Ед. хр. 352–353.

¹⁰ Там же.

Благодаря творчеству Олега Погудина не теряется связь с русской культурой XIX в., он передает чувства и переживания этой эпохи. Именно ему посвящен ряд статей в журнале «Русская элегия» [6, с. 10–28].

Таким образом, чувства, вызываемые вокальной элегией, близки внутреннему миру русского человека. С момента ее зарождения в русской музыкальной культуре она сразу вызвала интерес многих певцов. Каждая эпоха славится яркими исполнителями этого жанра. Элегическая вокальная лирика привлекает вокалистов — как профессионалов, так и любителей, обладающих различными голосами. Благодаря этому романс-элегия сохраняет свою жизнь на концертных площадках. Жанр элегии является неотъемлемой частью культуры русского народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Джидарьян И. А.* Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001. 242 с.
- 2 *Долгушина М. Г.* Камерная вокальная музыка в России первой половины XIX века: к проблеме связей с европейской культурой: дис. ... д-ра искусствоведения. СПб., 2010. 534 с.
- 3 История современной отечественной музыки: уч. / ред. М. Е. Тараканов. М.: Музыка, 2005. Вып. 1. 480 с.
- 4 *Лушников Е. Н.* «Камерно-вокальная элегия в творчестве Ан. Александрова и Ю. Шапорина» // Университетский научный журнал. Филологические и исторические науки, археология и искусствоведение. 2017. № 26. С. 67–74.
- 5 *Огаркова Н. А.* Светская музыкальная культура в России XIX века: учеб. пособие. СПб.: Лань; Планета музыки, 2016. 64 с.
- 6 Русская элегия. 2006. № 1. 60 с.
- 7 *Седых А.* Далекие, близкие. Литературные портреты / под ред. Л. М. Сурица. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 301 с.
- 8 *Сунь Ц. А. С.* Пушкин и русский романс 30-х годов XX века: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 2012. 19 с.
- 9 Теория литературных жанров: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / под ред. Н. Д. Тамарченко. 2-е изд., стер. М.: Академия, 2012. 256 с.
- 10 Теория литературы: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Издат. центр Академия, 2004. Т. 2: Бройтман С. Н. Историческая поэтика. 368 с.
- 11 *Трофимов В. К.* Менталитет русской нации. Ижевск: Изд-во ИЖГСХА, 2004. 272 с.
- 12 Федор Иванович Шаляпин: Литературное наследие. Письма. И. Шаляпина. Воспоминания об отце / ред.-сост. Е. А. Грошева. М.: Искусство, 1957. 850 с.
- 13 Федор Иванович Шаляпин: Статьи. Высказывания. Воспоминания о Ф. И. Шаляпине / ред.-сост. и коммент. Е. А. Грошева. М.: Искусство, 1960. Т. 2. 632 с.
- 14 *Хвоина О. Б.* Камерно-вокальные жанры в России пушкинской поры: к проблеме романтизма в русской музыке: дис. ... канд. искусствоведения. М., 1994. 230 с.
- 15 *Чемберджи В. Н.* В доме музыка жила. М.: Аграф, 2002. 256 с.

***

© 2019. Elena N. Lushnikova
Vladivostok, Russia

**ELEGY IN THE RUSSIAN SINGERS' REPERTOIRE
AS A FORM OF EXPRESSION OF NATIONAL MENTALITY**

Abstract: The paper deals with the relationship of the genre of vocal elegy with the Russian mentality. One of the distinctive features of the Russian mentality is its contradictive character and ambivalence of the Russian soul. Concentrating predominantly on sad aspects of life is characteristic of the Russians' worldview. Suffering has a special meaning in the system of their spiritual values. Compassion, sympathy, confessionism and tenderness are inherent to the Russian national character. The author shows that the distinctive features of the Russian worldview found expression in the genre of elegy, both poetic and musical ones. For many decades, the elegy songs of the Russian composers have been enthralling the audiences of literary-musical salons and concert halls. They are popular among both professional singers and amateurs. A tendency for elegiac pondering is illustrative of the artistic individuality of the great Russian singer Feodor Chaliapin, whose chamber repertoire included elegies of various composers. The genre is neither ignored by the musicians of the 20th–21st cs., as evidenced by various concert programs. The study involved materials from the composer Zara Levina's archive.

Keywords: Russian mentality, elegy, vocal elegy, chamber vocal pieces, singers of the 20th century, Feodor Chaliapin, Natalia Shpiller, Zara Levina, Oleg Pogudin.

Information about the author: Elena N. Lushnikova — Assistant Professor, Piano Department, Far Eastern State Institute of Arts, Petra Velikogo St., 3a, 690091 Vladivostok, Russia. E-mail: lus-elena@yandex.ru

Received: September 25, 2018

Date of publication: December 28, 2019

For citation: Lushnikova E. N. Elegy in the Russian singers' repertoire as a form of expression of national mentality. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 54, pp. 292–299. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Dzhidar'ian I. A. *Predstavlenie o schast'evrossiiskom mentalitete* [The idea of happiness in Russian mentality]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2001. 242 p. (In Russian)
- 2 Dolgushina M. G. *Kamernaia vokal'naia muzyka v Rossii pervoi poloviny XIX veka: k probleme svyazi s evropeiskoi kul'turoi* [Chamber vocal music in Russia of the first half of the 19th century: on the issue of relations with European culture: PhD thesis]. St. Petersburg, 2010. 534 p. (In Russian)
- 3 *Istoriia sovremennoi otechestvennoi muzyki: uchebnik* [The history of modern Russian music: a textbook], edited by M. E. Tarakanov. Moscow, Muzyka Publ., 2005. Vol. 1. 480 p. (In Russian)
- 4 Lushnikova E. N. Kamerno-vokal'naia elegiia v tvorchestve An. Aleksandrova i Yu. Shaporina [Chamber vocal elegy in the works of An. Alexander and Yuri Shaporin]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal. Filologicheskie i istoricheskie nauki, arkheologiya i iskusstvovedenie* [Philological and historical Sciences, archaeology and art history], 2017, no 26, pp. 67–74. (In Russian)

- 5 Ogarkova N. A. *Svetskaia muzykal'naia kul'tura v Rossii XIX veka: uchebnoe posobie* [Secular musical culture in Russia of the 19th century: a textbook]. St. Petersburg, Lan'; Planeta muzyki Publ., 2016. 64 p. (In Russian)
- 6 *Russkaia elegiia*, 2006, no 1. 60 p. (In Russian)
- 7 Sedykh A. *Dalekie, blizkie. Literaturnye portrety* [Distant and close ones. Literary portraits], edited by L. M. Surisa. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2016. 301 p. (In Russian)
- 8 Sun' Ts. *A. S. Pushkin i russkii romans 30-kh godov XX veka* [A. S. Pushkin and Russian romance of the 30s of the 20th century: PhD thesis, summary]. St. Petersburg, 2012. 19 p. (In Russian)
- 9 *Teoriia literaturnykh zhanrov: uchebnoe posobie dlia studentov uchrezhdenii vysshego professional'nogo obrazovaniia* [Theory of literary genres: textbook for students of institutions of higher professional education], edited by N. D. Tamarchenko. Moscow, Akademiia Publ., 2012. 256 p. (In Russian)
- 10 *Teoriia literatury: uchebnoe posobie dlia studentov filologicheskogo fakul'teta vysshikh uchebnykh zavedenii: v 2 t.* [Theory of literature: textbook for students of the faculty of Philology of higher educational institutions: in 2 vols.], edited by N. D. Tamarchenko. Moscow, Izdatel'skii tsentr Akademiia Publ., 2004. Vol. 2: Broitman S. N. *Istoricheskaia poetika* [Broitman S. N. Historical poetics]. 368 p. (In Russian)
- 11 Trofimov V. K. *Mentalitet russkoi natsii* [Mentality of the Russian nation]. Izhevsk, Izdatel'stvo IzhGSKhA Publ., 2004. 272 p. (In Russian)
- 12 *Fedor Ivanovich Shaliapin: Literaturnoe nasledstvo. Pis'ma. I. Shaliapina. Vospominaniia ob ottse* [Fyodor Ivanovich Chaliapin: Literary legacy. Letters. I. Chaliapin. Memories of his father], edited and collected by E. A. Grosheva. M.: Iskusstvo, 1957. 850 p. (In Russian)
- 13 *Fedor Ivanovich Shaliapin: Stat'i. Vyskazyvaniia. Vospominaniia o F. I. Shaliapine* [Fyodor Ivanovich Chaliapin: Articles. Statements. Memories of F. I. Chaliapin], edited, collected and comments by E. A. Grosheva. Moscow, Iskusstvo Publ., 1960. Vol. 2. 632 p. (In Russian)
- 14 Khvoina O. B. *Kamerno-vokal'nye zhanry v Rossii pushkinskoi pory: k probleme romantizma v russkoi muzyke* [Chamber vocal genres in Russia of Pushkin's time: to the problem of romanticism in Russian music: PhD thesis]. Moscow, 1994. 230 p. (In Russian)
- 15 Chemberdzhi V. N. *V dome muzyka zhila* [The music used to live in the house]. Moscow, Agraf Publ., 2002. 256 p. (In Russian)